

ИДИОМАТИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДА КАК ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 31.01.2023 г.

Принята к публикации 20.03.2023 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-2-1

Для цитирования: Бойко Л. Б. Идиоматичность перевода как оценочная категория // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №2. С. 5–16. doi: 10.5922/pikbfu-2023-2-1.

Уточняется употребление термина «идиоматичность» в его оценочном значении применительно к переводу. Идиоматичность рассматривается с точки зрения соблюдения нормы узуса как категория, обеспечивающая естественность звучания переводного дискурса. На примере переводных текстов показаны результаты, к которым приводит умение или неумение переключить коды в идиоматичном режиме. С применением методов интроспекции и привлечением корпусных данных сделана попытка прояснить природу когнитивных сбоев, возникающих при несоблюдении узуальных норм и разрушении ожидания в восприятии переводного текста. Оппозицию «идиоматичный» – «неидиоматичный» можно считать необходимой и достаточной в оценивании качества перевода.

Ключевые слова: язык, идиоматичность, узус, перевод, когнитивный, сочетаемость, естественность звучания, норма, свой / чужой.

Unfortunately, this issue is idiomatic. In other words, there is no rule.

You simply have to memorize which verbs take which. If you are a native speaker, your ear will guide you [25, p. 113].

Как свидетельствует эпиграф, понимание идиоматичной речи как речи интуитивной и правилами не регулируемой столь привычно, что принимается почти за аксиому. Исследователи признаются, что в изучении узуальных явлений языка действительно приходится полагаться на «интуицию, подкрепленную словарной традицией» [3, с. 57]. Несмотря на долгую и противоречивую историю исследований узуса, многогранное явление идиоматичности заслуживает пристального внимания и анализа, и в частности применительно к переводу. С осознанием прак-

тической недостижимости полной симметрии между текстами оригинала (далее ОЯ, язык оригинала) и перевода (далее ПЯ, язык перевода) в теории перевода все реже употребляется термин «эквивалентность». Недовольство сложившейся в классической теории перевода многоступенчатой системой оценочных терминов заставляет искать иные способы характеристики перевода, отвечающего всем ожиданиям реципиента. Так, в дополнение к эквивалентности и адекватности критерием качественного перевода исследователи предлагают считать такую категорию, как «гармония» [11].

В настоящей статье поставлена цель рассмотреть в качестве оценочной категории понятие идиоматичности перевода. Сначала мы уделим внимание собственно термину «идиоматичность» и его содержательной стороне, а именно компонентам, создающим своеобразие национального языка. Далее с помощью метода интроспекции и элементов корпусного анализа продемонстрируем, к каким когнитивным сбоям приводит нарушение норм ПЯ. Идиоматичность перевода понимается как совокупность черт переводного дискурса, придающих ему аутентичное звучание в ПЯ.

6

О термине «идиоматичность»

Прежде чем говорить об идиоматичности перевода как оценочной категории, следует рассмотреть собственно термин «идиоматичность», поскольку на практике его применение зачастую сводится исключительно к области устойчивых языковых форм. Между тем еще в 1927 г. советский ученый И. Е. Аничков, предложив заняться изучением того, что можно было бы описать как «несвобода словоупотребления», решительно отделял эту область исследования от фразеологии. Назвав новое направление «идиоматикой», автор теории исходил из оригинального значения греческого слова *ιδίωμα* — *особенность, своеобразие*. Аничков утверждает, что абсолютно свободных сочетаний слов в языке практически не существует и любое слово в языке на каждом определенном этапе его развития так или иначе ограничено в своем употреблении, тем самым определяя своеобразие национального языка [1].

Действительно, слова, как и люди, имеют свои привычки и привязанности. По разным причинам слова «дружат» крепче с одними своими собратьями, чем с другими, образуя коллокации с предсказуемым компонентом в правой позиции: например, за «в качестве» с большой вероятностью могут последовать такие варианты, как «предложения», «эксперимента», «сумасшедшей идеи», «гарнира», но не «усилий». Языковая прогнозируемость, предсказуемость слова играет важную роль в понимании речи — так и вспоминаются пушкинские строки:

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы розы;
На, вот возьми ее скорей!)

Поскольку в родном языке у нас прочно сформировано вероятностное ожидание следующего элемента дискурса, мы легко обнаруживаем

нарушение валентности в словосочетаниях и фиксируем речевую ошибку — например, в таких случаях, как *играет значение* или *имеет роль*. Намеренная замена компонента в привычной коллокации превращает ее в оксиморон: *потерпеть удачу, нанести пользу, дружить против кого-либо* и пр. Поскольку языки значительно различаются по дистрибутивной связанности слов, по большей части немотивированной, многие лексические комбинации оказываются когнитивно непривычными для носителя языка, и поэтому изучающим иностранный язык сочетания приходится выучивать. Однако мало знать, что по-английски могут быть описаны одним и тем же прилагательным *bad* и *сильная* головная боль, и *грубая* ошибка (*a bad headache, a bad mistake*); нужно еще и осознавать, что отдельные элементы дискурса, которые кажутся избыточными и не несущими никакого смысла, совершенно органичны в своем употреблении и создают неповторимость, уникальность способа высказывания (ср. англ. *at all* в вопросе *Can I help you at all?* или добавление, казалось бы, необязательного наречия *round / around* к глаголу *to come* в значении *навещать кого-либо, заходить в гости*: *He used to come round to our house on Bank Street armed against the cold in a fur hat* [20].

Так в нашем ментальном лексиконе привычные отрезки речи закрепляются в результате многократного употребления и содержатся в готовом виде. Слова тяготеют друг к другу и в том смысле, что часто встречаются вместе, обнаруживая привязанности, которые мы, как правило, не осознаем. Например, прилагательное *affable* практически не применяют для описания женщин, оно преимущественно употребляется в сочетании с лексикой, обозначающей мужчин и манеру поведения — *affable man / guy / personality / smile / manner* [20]. Существует «негласное соглашение» и о порядке расположения слов в словосочетаниях — например, определений перед определяемым: *quantity-opinion-size-age-shape-colour-origin-material-purpose N* (*five lovely little old rectangular white French mother-of-pearl jewellery boxes*). Если прилагательное встанет не на свое место, тогда мы можем говорить о неидиоматичном употреблении, о неестественности звучания фразы.

Что же лежит в основе идиоматичной (а значит, и естественно звучащей) речи? Естественная речь носителя языка характеризуется прежде всего уместностью употребления привычных речевых оборотов, в которых вероятность появления того или иного слова (словоформы) весьма высока.

«В опыте говорящего субъекта каждая словоформа оказывается погруженной и растворенной в своей собственной, только ей свойственной среде потенциальных употреблений. Говорящий и сам не может с точностью определить, какие из всплывающих в его памяти выражений известны ему “действительно”, а какие “потенциально”, на основании аналогий с этим опытом» [4, с. 86–87]. Если употребление словоформы оказывается морфологически и синтаксически правильным, то это лишь потому, что эти готовые «кирпичики» — Б.М. Гаспаров называет их коммуникативными фрагментами — хранятся в нашей мнемонической памяти и извлекаются из нее в готовом виде, пригодные для использования в подходящем контексте. То есть наша память наполнена скорее не отдельными словами, а некими типовыми фразами, цельными

единицами речи, отражающими картину мира носителя языка [10; 16; 17; 24; 26]; более того, считается, что количество выражений, хранящихся в человеческой памяти, превышает количество слов [26], и мы умеем правильно распорядиться ими в конкретных обстоятельствах. Один и тот же цельный речевой фрагмент способен создать разные смыслы в разных контекстах. Например, русское *Да ладно!* может выражать удивление и тогда по-английски примет форму *You are kidding!* В другом же случае фраза может означать прощение или неохотное согласие и будет переведена как *Forget it*.

То, что изолированных явлений не существует, диалектически объяснимо: любое явление существует в контексте, оно детерминировано предшествующими явлениями и событиями и само обуславливает какие-то последующие явления. Современные междисциплинарные исследования показывают, что принцип контекстной зависимости имеет онтологическую природу и работает не только в языке, но и, например, в биохимических процессах. Так, рассматривая процессы обработки генетической информации как коммуникацию и проводя аналогии между обработкой генетической информации и речью, ученые показывают, как местоположение структурных элементов может определять приобретение ими различных значений и выполнение различных функций [6–8].

Генетические аналогии с языком четко прослеживаются и в эволюционной модели языковых изменений Б. Крофта [21], где высказывания как конкретные сущности, укорененные в диалогическом поведении говорящих и слушающих, сравниваются с молекулами ДНК. Как молекула ДНК строится из последовательности генов, так и высказывание строится из языковых аналогов генов — лингем (*linguems*). Из множества услышанных высказываний в ходе освоения языка и обработки языковой информации лингема формируется как «компонент индивидуальной ментальной грамматики», чтобы в дальнейшем участвовать в построении и восприятии новых высказываний [13, с. 39]. Описывая язык как «совокупность высказываний в речевом сообществе» [21, р. 26], Крофт утверждает, что всякое высказывание есть «конкретная, актуальная реализация продукта человеческого поведения в коммуникативном взаимодействии (то есть звуковой ряд), поскольку оно произносится, грамматически структурируется и семантически и прагматически интерпретируется в его контексте» [21, р. 26]. Здесь еще раз подчеркнем момент контекстуальной реализации этих готовых форм — тех «генов» / коммуникативных фрагментов / лингем, из которых состоит наша естественная речь. Идиоматичность дискурса требует выполнения сложившихся в языке норм сочетаемости всех видов — синтаксической, семантической и лексической [2, с. 11]. Именно идиоматичность речи обеспечивает такие важные когнитивные механизмы понимания речи, как предсказуемость и прогнозируемость.

Г. Фаулер в свое время подчеркивал, что речь следует считать «нормальной» и естественной («*natural and racy or unaffected English*»), даже если носитель языка отстает от строгой грамматической нормы, но использует предпочтительные обороты. «Идиоматичное высказыва-

ние — это любая форма выражения, которая утвердилась как предпочитаемая англичанами другим формам (и потому предположительно характерная для них), принципы абстрактной грамматики которой, если таковая существует, позволили бы облечь конкретную мысль. Идиоматика — это совокупность таких форм выражения, и, следовательно, она, по сути, и есть естественный и живой, неподдельный английский язык; это такой язык, на котором привычно говорить или писать нормальному англичанину. <...> Грамматика и идиоматика — самостоятельные категории; будучи применимыми к одному и тому же материалу, они иногда согласуются, а иногда расходятся в отношении отдельных его образцов» [22, р. 261].

Итак, мы будем понимать идиоматичность как «форму выражения, свойственную языку» [23, р. 428], с чем и перейдем к рассмотрению идиоматичности переводческой речи.

9

Об идиоматичности языка перевода

Понятие идиоматичности перевода важно, поскольку современная переводческая традиция требует соблюдения принципа «гладкости» и «беглости» перевода с иностранного языка на родной. «Большинство издателей, рецензентов и читателей считают приемлемым переводной текст — будь то проза или поэзия, художественная или нехудожественная литература — тогда, когда он читается бегло, когда отсутствие каких-либо языковых или стилистических особенностей делает его прозрачным, создавая впечатление, что он отражает личность или замысел иностранного автора или основной смысл иностранного текста, то есть впечатление, что перевод — на самом деле не перевод, а “оригинал”. Иллюзия прозрачности создается беглостью дискурса, или стремлением переводчика обеспечить легкость чтения за счет современного словоупотребления, гладкости синтаксиса, фиксации точного смысла» [27, р. 1]¹. Когда перевод удобочитаем и звучит естественно для принимающей культуры, его называют идиоматичным. Принцип естественности звучания [14], соблюдение которого и обеспечивает идиоматичность языка перевода, вполне может быть положен в основу оценки качества перевода, избавив от необходимости прибегать к спорному и чрезмерно категоричному термину «эквивалентность».

Бедный перевод...

Читая текст, плохо переведенный на родной язык, реципиент достаточно легко почувствует «чужой уклад». При этом не важно, с какого языка выполнен перевод — неестественность звучания хорошо ощутима именно в родном дискурсе (студенты-переводчики обычно в таких случаях выносят вердикт «по-русски так не говорят»). Несмотря на большую долю интуитивности в оценивании текста как «своего» или «чужого», постараемся ниже показать, какие когнитивные механизмы бывают задействованы, когда мы «спотыкаемся», читая переводной текст, по-

¹ Сам автор находит, однако, что излишняя «гладкость» перевода приводит к утрате этничности текста, — но это к дискуссии на другую тему.

скольку его «выдает» не только лексическая обедненность¹ — скудость словаря обнаружит скорее тренированный взгляд профессионала. Рассмотрим отрывок искусствоведческого очерка, переведенного с итальянского. Внимание сосредоточим на подчеркнутых и пронумерованных отрезках.

Караваджо был первым, кто прочувствовал натюрморт как отдельное произведение. Мало какие натюрморты столь же живые (1), как этот, в котором жизнь засвидетельствована во всех подробностях, со всеми признаками тления и гниения, органического распада от косточек перезревшего черного винограда до частично оторванных (2) белых виноградин, от изъянов на яблоках и грушах до уже увядших листьев. <...> Эта картина написана в последние годы 16 века. Караваджо в то время был еще никому не известен, и до сих пор не установлено, купил ли кардинал Федерико Борромео его картину в Риме, где навещал первого римского покупателя молодого художника кардинала дель Монте (3), или же еще в Милане. Что по большому счету совсем не важно. Куда интереснее тот факт, что два кардинала (4) одновременно смогли заметить и оценить начинающего художника, которому суждено было изменить ход развития изобразительного искусства. Эти столь не похожие друг на друга кардиналы были куда любезнее (5), чем уже неоднократно упоминавшийся кардинал Шипионе Боргезе, их современник. Как же в наши дни не хватает кардиналов! [5, с. 142 – 143].

Первый отрезок (1) содержит полное прилагательное *живые*, которое могло бы выполнить в тексте ПЯ свою функцию именного сказуемого, не будь оно лишено глагольного компонента (например, можно предложить вариант *выглядят столь же живыми*). Налицо разрушение грамматической структуры, в которой когнитивно предполагается приписывание признака посредством предикации.

В отрезке (2) — действительно буквально на уровне интуиции! — читатель понимает, что ягода не может быть «частично оторванной». Что мешает нашему ментальному взгляду увидеть ягоду в таком состоянии? Как показывает даже беглый анализ результатов поиска словосочетания (поиск в Google дал 2080 вхождений), «частично оторванным» может быть физический объект некоторой протяженности или площади (например, этикетка, воротник, лист бумаги / железа, бампер, шнур); человек (иногда город) может быть частично оторванным от жизни или действительности. Следовательно, наше когнитивное сознание не видит признака частичности в отделении такого малого объекта как черенок ягоды (ягода может быть *надломлена?*).

¹ Вспомним прозорливый вопрос К. И. Чуковского: «Почему многие переводчики всегда пишут о человеке — *худой*, а не *сухопарый*, не *худощавый*, не *тщедушный*, не *щуплый*, не *тощий*? Почему не *стужа*, а *холод*? Не *лачуга*, не *хибарка*, а *хижина*? Не *каверза*, не *подвох*, а *интрига*? Почему *печаль* всегда *печаль*, а не *скорбь*, не *тоска*, не *кручина*, не *грусть*?» [18, с. 96]. С тех пор в теории перевода образовалось целое направление, изучающее язык перевода как «третий код» — отдельную подсистему, по совокупности черт которой можно безошибочно отличить переводной текст от текста, написанного на родном языке.

Отрывок (3) — достаточно типичный случай калькирования синтаксической структуры ОЯ. Он содержит решительно неприемлемую для русского языка длинную цепочку генитивов — читатель вынужден распутывать клубок взаимоотношений героев.

В случае (4) со всей очевидностью считывается структура артиклевых языков (в английском было бы *the two cardinals*). Русский же потребует дейктического уточнения референции *эти два кардинала*, потому что в противном случае когнитивное внимание останется не на действующих лицах, а на их числе.

В отрезке (5) мы догадываемся, что речь идет о противопоставлении прозорливых кардиналов скуповатому Боргезе в том действии, которое они совершили по отношению к молодому дарованию, а не о присущей им от природы черте характера — то есть они скорее *оказались*, а не *были*, и не *любезнее* (надо ли столь высоким особам быть обходительными и учтивыми с юнцом?), но, может быть, *благоклоннее?*

Таким образом, в этом отрывке конкретные проявления неидиоматичности переводческого дискурса состоят не только в лексической неточности (5), но прежде всего в разрушении привычно укоренившихся в сознании носителя русского языка и легко узнаваемых структур. Разрушение блоков, к принятию которых готово языковое сознание реципиента, приводит к когнитивным сбоям и нарушает континуум восприятия текста. При этом предложенный отрывок не относится к вопиющим случаям переводческой несостоятельности — это мы увидим в следующем отрывке.

Анализировать абсолютно «провальный» перевод дело неблагодарное, но для того, чтобы продемонстрировать многообразие (далеко не полное) возможных сбоев, обратимся к одному очень плохому переводу на русский язык романа Д. Г. Лоуренса.

О, как он ненавидел противные насмешливые глаза Казу, как охотно выбил бы он их (6)! В конце концов ненависть была более сильным чувством, нежели любовь. Казу медленно сбросил с себя шляпу (7). Джек последовал его примеру и принялся снимать пиджак. Казу обернулся и посмотрел, ушла ли Моника. Да, она была уже спиной к ним (8), и (9) Люси осторожно ступала через корни деревьев. <...> Джек отскочил в сторону, но недостаточно быстро. Левой рукой он достал Казу в ухо (10), но опять-таки недостаточно быстро, чтобы предотвратить нападение (11). Голова Казу попала, как он хотел, хотя менее глубоко, в живот его врага (12) [12, с. 104–106].

Здесь можно было бы подчеркнуть весь текст, но остановимся только на самых выразительных несуразностях этого перевода. Отрезок (6) иллюстрирует интересную особенность лексической сочетаемости. В русскоязычном соматическом коде глагол *выбить* присутствует в коллокациях с такими названиями частей тела, как *глаз, палец, плечо, челюсть* (нельзя **выбить нос* или *ногу*), причем существительное узואльно употребляется в единственном числе (за исключением *зуб / зубы*). В словосочетаниях *выбить N* (ед. число соматического существительного) описывается нарушение целостности человеческого организма в результате

чьих-то действий: *Кто-то стрелял Косте в ухо, и расколол голову, и выбил глаз* [15]. В агрессивной ситуации можно *дать в глаз / выбить глаз*, но не *выбить глаза*, поскольку изменение морфологической формы слова сразу переводит нас из контекста описания враждебного противостояния в контекст физиологический, смещая фокус с цели на результат действия — лишение зрения (ср. *...страшно изуродованы: с перебитыми носами, выбитыми глазами и зубами, сломанными челюстями* [16]).

Очевидный когнитивный диссонанс наблюдается и во фрагменте (7) — «медленно сбросить» не получится, потому что семантика глагола включает признаки быстрого и краткого движения и вступает в конфликт со значением наречия. Ошибка в выборе лексического варианта приводит к невольному оксиморону. В случае (8) нет никакого нарушения с точки зрения сочетаемости слов — можно *быть спиной к кому-то* (*Виктор пошел, чтоб быть спиной к двери* [15]), но такое описание положения тела обычно сопровождается указанием на действие (*был спиной к ..., когда / и не увидел; был спиной к ..., а в это время*). Диссонанс усиливается за счет того, что союз *и* (9) не выполняет здесь своей конъюнктивной функции как логическая связка: читатель остается в недоумении, почему описываемые состояние и действие разных лиц перечисляются как следующие друг за другом. Ошибка в случае (10) проста: по-русски нельзя *достать в ухо*, можно *достать, дотянуться до* чего-либо; *в ухо* (учитывая контекст) можно *двинуть / захватить / вмазать*. Отрезок (11) показывает, как калькирование английской структуры (легко угадывается инфинитивный оборот в ОЯ) вынуждает переводчика ввести придаточное предложение, в результате чего описание характерных для драки быстрых действий создает эффект «замедленной съемки». Этому способствует и нагромождение длинных повторов, придаточных предложений, а также детализация намерений героя и «глубины» удара головой. В (12) к тому же эффекту приводит отделение сказуемого от дополнения придаточными *как он хотел, хотя менее глубоко*. В случае «попадания головы» в (12) мы опять наблюдаем когнитивный сдвиг: вместо героя участницей действия становится его голова. Если по-русски мы говорим, что *голова попала* куда-либо, то в этом случае голова является актантом (*голова попала* в петлю хмеля, *голова попала* в пустоту [15]), наделенным некоторой независимостью от воли ее обладателя. *Попасть частью тела (головой / рукой / ногой) куда-либо* можно в результате вольного или невольного действия обладателя этих частей тела: «...бедняжка *попал* головой прямо в сугроб» [15]: творительный падеж в этом словосочетании показывает, что часть тела является инструментом, а актантом все-таки остается субъект.

Несомненно, второй отрывок можно считать крайним случаем неграмотного, неидиоматичного перевода. Однако что дают нам наблюдения над подобными ошибками? Помимо пользы для решения учебно-методических задач, например на аналитическом этапе в обучении редактированию перевода, такой разбор помогает обнаружить элементы когнитивных действий переводчика. Лексические неточности мешают реципиенту увидеть на «внутреннем экране» [9] ожидаемую картинку,

тем самым внося когнитивный диссонанс в восприятие текста на ПЯ; разрушение нормативной, предсказуемой грамматической структуры, как и нарушение любого вида сочетаемости, смещает фокус когнитивного внимания и вдобавок может из одного когнитивного контекста «переместить» читателя в другой. Отсутствие прогнозируемых, ожидаемых «кирпичиков» нашего ментального лексикона пробивает брешь в континууме восприятия текста, в результате чего последний идентифицируется как «чужой».

...и богатый¹

Для полноты картины рассмотрим противоположную ситуацию, которую можно наблюдать на примере перевода, выполненного на высоком уровне идиоматичности. К таким по праву следует отнести работы Е. Кассировой, в частности ее переводы с французского языка мемуаров Ф. Юсупова. Читая эти воспоминания, не каждый поймет, что в оригинале они написаны не по-русски. Вот несколько отрывков, где подчеркнуты особенно яркие фрагменты.

(1) Молодой араб Али, сыгравший моего невольника в том памятном представленьи в мавританской зале, попросил однажды «красивый штука». Этой штукой была диадема с бурмитским зерном и брильянтами, которую надевала матушка, едучи на балы в Зимний [19, с. 61].

(2) Отец с матерью держали открытый стол. Сколько едоков соберется к обеду, в точности не знали. Многие являлись к столу целыми семьями, ибо нуждались и питались то в одном, то в другом достаточном доме. Этих извинить было можно, других — навряд... Генерал Бернов... и матушкина приятельница Вера Голицина люто ненавидели друг друга и ругались при каждой встрече. Однажды вечером генерал был сильно не в духе и не захотел отвезти княгиню домой, хоть и обещал [19, с. 62].

Здесь не только всё на своем месте с точки зрения грамматической нормы, но и стилистически безупречно — совершенно уместны словоформы и обороты, типичные для описываемого времени. Для того чтобы создать такой эффект исторической достоверности, нужно владеть идиоматикой описываемой эпохи в самом широком смысле слова. Так, сейчас не говорят о доме с достатком *достаточный дом*, но, как показывает НКРЯ, в конце XIX в. употреблялось именно это атрибутивное сочетание [15]. Ушло из обихода и выражение *держать открытый стол*; признаком прошлого являются словоформы *едучи*, *навряд*, *брильянты*, *представленьи*, *в мавританской зале*; устарело и требует поиска в словарях название жемчуга *бурмитское зерно* (вариант — *бурмицкое*) — и именно поэтому употребление всех этих оборотов и словарных форм отвечает ожиданиям адресата текста ПЯ. Даже выражение *сильно не в духе*, по свидетельству НКРЯ, оказалось более типичным для тех времен, чем для нынешних (рис.).

¹ В названиях частей статьи перефразирован заголовок «Бедный словарь — и богатый» из книги К. И. Чуковского «Высокое искусство» [18].

Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1776 по 2015 ?

Годы с 1777 по 2011 со сглаживанием 3 - Построить

Рис. История употребления сочетания «сильно не в духе», представленная в панхроническом корпусе НКРЯ

Идиоматичный, звучащий естественно переводной текст не содержит когнитивных искажений, которые давали бы материал для поиска их истоков, как в случае с неидиоматичным переводом.

Заключение

Понятие идиоматичности переводческого дискурса включает в себя соблюдение всех норм любой задействованной в конкретном тексте страты национального языка, находящегося на определенной ступени своего исторического развития. В процессе перевода приходится преодолевать системные и узусные различия между языками. Нарушение нормы приводит к когнитивному сбою и восприятию текста как «чужого». Обращение к «интериоризированному языковому опыту» [10, с. 379] позволяет увидеть, как в случае нарушения узусной сочетаемости, неточного выбора лексического варианта или словоформы в переводном варианте разрушается когнитивное ожидание и переключается внимание. В противопоставлении «идиоматичный / неидиоматичный перевод» содержится оценочная дихотомия «свой / чужой».

Список литературы

1. Аничков И. Е. Идиоматика и семантика // Иностранные языки в школе. 1992. №5. С. 140–150.
2. Апресян Ю. Д. Избр. тр. Т. 1 : Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания. 1996. №5. С. 51–64.
4. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
5. Даверию Ф. Воображаемый музей / пер. с ит. И. Волкова и М. Челинцева. М., 2018.
6. Золян С. Т. Семиопозис: становление значения в молекулярной генетике и биосемиотике // Критика и семиотика. 2021. №1. С. 57–77.

7. Золян С. Т. Эволюция генетического кода *sub specie semioticae* // МЕТОД : Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М., 2021. Вып. 11. С. 119–135.
8. Золян С. Т., Жданов Р. И. Геном как информационно-семиотический феномен // Философия науки и техники. 2018. Т. 23, № 1. С. 88–102.
9. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8–16.
10. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
11. Кушнина Л. В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь, 2009.
12. Лоуренс Д. Г. Джек в Австралии / пер. с англ. Л. Ильинской. Рига, 1994.
13. Маслова Е. Эволюционная стабильность грамматических стратегий организации дискурса // Исследования по теории грамматики. Вып. 4 : Грамматические категории в дискурсе. М., 2008. С. 37–55.
14. Минченков А. Г. Концепт естественности звучания и перевод дискурсных частиц // Университетское переводоведение : материалы I Всерос. науч. конф. «Федоровские чтения». СПб., 2000. Вып. 1. С. 113–117.
15. Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).
16. Недялков В. П. История первой лингвистической работы И. Е. Аничкова // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 36–40.
17. Савицкий В. М. Языковая идиоматичность и речевой идиоэтизм // Поволжский педагогический вестник. 2016. № 3 (12). С. 84–88.
18. Чуковский К. И. Высокое искусство. М., 1968.
19. Юсупов Ф. Ф. Конец Распутина / пер. с фр. Е. Л. Кассировой. М., 2014.
20. British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 14.01.2023).
21. Croft W. Explaining language change. An evolutionary approach. Essex, 2000.
22. Fowler H. W. A Dictionary of Modern English Usage. 2nd ed., revised by Sir Ernest Gowers. Oxford, 1965.
23. Hornby A. S., Cowie A. P. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford, 2000.
24. Jackendoff R. The Architecture of the Language Faculty. Cambridge, MA, 1997.
25. Manhattan GMAT. Sentence Correction Strategy Guide, 5th ed. MG Prep, Inc., 2012.
26. Mel'cuk I. Lexical functions: A tool for the description of lexical relations in a lexicon // Lexical junctions in lexicography and natural language processing. Amsterdam ; Philadelphia, 1996. P. 37–102.
27. Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. Amsterdam ; Philadelphia, 1995.

Об авторе

Людмила Борисовна Бойко — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: boyko14@gmail.com

L. B. Boyko

IDIOMATICITY OF TRANSLATION AS ASSESSIVE CATEGORY

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 31 January 2023

Accepted 20 March 2023

doi: doi: 10.5922/pikbfu-2023-2-1

16

To cite this article: Boyko L. B., 2023, Idiomaticity of translation as assessive category, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 5–16. doi: 10.5922/pikbfu-2023-2-1.

This article will clarify the use of the term “idiomaticity” in its evaluative meaning in relation to translation. Idiomaticity is considered from the point of view of compliance with the norm of usage as a category that ensures the naturalness of translated discourse. The example of translated texts will be used to show the results of the translator’s ability or inability to switch codes in an idiomatic mode. With the help of introspection and corpus data, an attempt will be made to clarify the nature of cognitive failures arising from non-compliance with the accepted norms and defeated expectations in the perception of a translated text. The opposition “idiomatic” – “non-idiomatic” can be considered appropriate and sufficient in evaluating the quality of translation.

Keywords: language, idiomaticity, usage, translation, cognitive, collocation, naturalness of discourse, norm, “own” / “other”

The author

Dr Lyudmila B. Boyko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: boyko14@gmail.com